

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДАНА СТАР
СЛАДКАЯ
лєснє

Дана Стар
Сладкая месть
Серия «Плохие и
горячие парни», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43645279

SelfPub; 2019

Аннотация

"Я вернусь за тобой. Крошка. Лучше беги. Но знай – от меня не спрячешься. Я найду тебя везде. Моя месть будет такой же острой, как и твоя боль... которую ты мне причинила". Смогут ли страсть победить ненависть? Смогут ли боль стать любовью? Смогут ли два разбитых сердца вновь воссоединиться в единое целое? Да! Если это история... История любви опасного бандита и его маленькой, невинной Крошки, которая вывернет вашу душу наизнанку. Вторая книга дилогии "Сладкое зло". В оформлении обложки использовано изображение с сайта Depositphotos. Автор: Tverdohlib. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	56
Глава 6	68
Глава 7	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Глава 1

Я не успела даже открыть глаза, не успела привыкнуть к свету, осознать, где я, что происходит, почему мне так больно и одиноко, почему в висках гудит, а сердце трещит и крошится на осколки... как тут же получила хлёсткий удар по лицу.

– Паршивка!

Отвернулась, закрыла голову руками, свернувшись клубочком, и мысленно застонала, оберегая лицо от новых ударов. Острый шлепок по щеке отрезвил не хуже ведра с водой, добытой из морозной проруби.

– Вот ведь дрянь поганая! Допрыгалась! Доигралась! Я ведь предупреждала!

Этот голос, наполненный злобой и ненавистью, принадлежал моей матери.

Затылком я ощутила, как она замахнулась, чтобы нанести очередной удар, но, почувствовав внезапный, удушающий приступ тошноты, подступивший к горлу, вскочила с кровати, бросившись в уборную.

– Кудаааа! Не смей удирать! Иначе я больше никогда не встану на твою защиту...

Слова родной матери, как острые, отправленные ядом стрелы, втыкались в мою спину, в душу, в сердце... кромсая

до уродливых, кровоточащих шрамов те составляющие, которые сделали меня человеком, а не куском холодного гранита.

Не знаю, как я до сих пор дышала, как стояла на ногах. Меня штормило, знобило, душило. Кажется, у меня началась лихорадка и возможно температура тела поднялась до максимального предела, перевалив за грань нормы. Сорок, сорок два градуса... Или даже больше. Потому что кожа не горела, а пылала! Настолько дико, что хотелось сдирать её с себя ногтями, слой за слоем, сантиметр за сантиметром... а внутренности плавились в кисель, превращаясь в вязкое подобие смолы.

Но больше всего досталось душе. Мой дух рассыпался на мельчайшие крупички. Без возможности починить, собрать душевный стержень в былое состояние. До момента чудовищного взрыва. Превратившего мой жалкий мирок, в чёрную, погибающую пустошь.

Внутренне я полностью умерла.

Потому что знала, что как прежде больше никогда не будет.

Жизнь изменилась. Один миг, миг предательства, решил всё.

Его теперь нет. Моего любимого.

И меня нет.

Нас больше нет.

Я погубила все.

Я его просто убила.

Морально. Пока ещё морально...

Сожгла. Облила грязью. Втоптала в болото ненависти.

Давида. Моего Безжалостного. Мой единственный лучик счастья, в бесконечной бездне хаоса.

Почему погубила?

Да потому что лишь одному Богу известно, как сложится его судьба в будущем.

Морально он мертв. А физически... Знаю, что Давид жив. Хотя и в бреду, но я слышала разговор мамы с Виктором, пока поддонок следак нёс меня на руках к дому, после успешного закрытия дела.

Виктор подтвердил, что Давида, вместе с его бандой, взяли живьём.

За исключением... Егора.

Их взяли на горячем, с удачей для следователя, как поддонок и планировал.

Егор мёртв!

Я сама видела. Видела, как на моих глазах его голова превратилась в кусок фарша, когда один из снайперов навсегда стер парня с лица земли одним умелым выстрелом. Я помню глаза Егора. И ужас, застывший в них, за долю секунды до гибели.

Я помню, как кричал Антон, как он бросался на окровавленное тело брата, выкрикивая страшные гадости, рыдая, вырывая клочья собственных волос.

Я помню всё. До мельчайших деталей.

Как будто пережила тот день глазами каждого из братьев.
Боже!

Пожалуйста! Ну пожалуйстааа! Пусть это будет всего лишь бредовый ужастик! Прошу Господи! Умоляю! Я считаю до трёх и просыпаюсь!

Один.

Два.

Три.

И...

И снова меня выворачивает в уборной наизнанку так, что я падаю коленями на пол, разбивая ноги в кровь.

И реву!

Реву!

Реву!

Когда окончательно прихожу в сознание после нескольких часов мучительных кошмаров.

– Открывай, дрянь!!! Открываааай!

Она одержимо бросалась на дверь, гатила кулаком по дереву, рычала и добивала меня своими страшными угрозами.

А мне хотелось лишь одного...

Просто взять и сдохнуть.

Но что-то подсказывало, что я должна быть сильной! Должна бороться до последнего вздоха! Должна всеми возможными способами помочь любимому.

Даже ценой собственной жизни. А ещё... я начала чув-

ствовать странное тепло внизу живота. И слышать плач. Плач моего ангела-хранителя, который нашёптывал, что я должна немедленно взять себя в руки и напроочь истребить мысли о суициде! Ради того... что отныне живет во мне.

Внутри моего живота.

И в осколках разбитого сердца.

– Соня! Открой! – истошные вопли прекратились, голос матери немного смягчился, – Тебе плохо, да? Может скорую вызвать?

Я настолько ослабла, настолько выбилась из сил, что не могла пошевелить ни руками, ни ногами. Сидела в обнимку с унитазом, а по щекам катились слёзы.

Поскольку я начала осознавать, что моя тошнота – не следствие нервного перенапряжения. А куда более острая проблема.

Интуитивно я чувствовала, что с моим организмом что-то не так.

Странные симптомы появились примерно с неделю назад. Но я не уделила им должного внимания. У меня пропал аппетит, разыгралось отвращение к запахам, а ещё безумно хотелось спать. Но весь этот «буфон особых предвестников» я списала на излишнюю нервозность в отношении с матерью, ее ублюдком-ухажером и моим парнем.

И да. В этом месяце у меня ещё не было менструации. Но такое бывало и раньше, по весне, когда происходили резкие

скачки климата, с зимы на лето, поэтому подобные сбои меня не сильно волновали.

Обычно, мы с любимым всегда предохранялись. Правда однажды... Давид не смог сдержаться. Да и я ему не позволила испортить наш обоюдный оргазм. Мы слишком проголодались, слишком сильно сошли с ума! Слишком сильно помешались друг на друге! Позабыв о самом важном.

Как и я забыла вовремя выпить таблетку.

На форумах в интернете я начиталась разной информации, о том, что забеременеть с первого раза практически нереально! Люди годами пыхтят и ничего у них не выходит. Успокоившись, дальше продолжила наслаждаться жизнью вместе с любимым, не подозревая, что внутри меня уже растёт и развивается маленькое чудо. Зачатое в большой и сильной любви.

Я далека от взрослой жизни. Далека от настоящих проблем. И всегда существовала в каком-то своём розовом мире, уверенная, что подобные проблемы никогда меня коснутся. Потому что мой тыл охраняет настоящий защитник, ставший моей личной тенью. Я каталась на розовых облачках, смеялась и веселилась, заедая мелкие проблемки сладкой ватой, пока однажды не оступилась и не свалилась с небес в самый центр полыхающего Ада.

Этот удар выбил из меня все веселье, оставив в душе лишь боль и страдания.

Жизнь полна «сюрпризов». Никогда не стоит радоваться

раньше времени. В один миг можно взглянуть всё. Я тому... живой пример.

Голова снова закружилась... Мир покачнулся в бок, и я почувствовала, как дыхание сбилось, как глаза закатились как у мёртвой рыбы, а кислорода в легких катастрофически стало мало. Чувствуя покалывающую дрожь в руках, жадно хватая спертый воздух губами, накренившись вправо, я полетела боком на холодный, кафельный пол.

Резкая вспышка боли. Едва уловимый стон...

И страшная, пугающая темнота.

Последующие несколько часов я провела в каком-то хаосе. То открывала глаза, то закрывала. Видела то свет, то тьму. Слышала голоса незнакомых людей, а ещё громкую, монотонную сирену скорой помощи, которая звучала картаво и искажённо, как будто её записали на старый, плёночный проигрыватель, который зажевало.

Настолько ужасно, как сейчас, я себя ещё никогда не чувствовала. Меня буквально выворачивало внутренностями наизнанку, а перед глазами снова и снова видела одни и те же страшные картинки. Давида. Как его избивают дубинками и ногами, а он истекает кровавыми ручьями. И, заплывшими от побоев глазами, смотрит лишь на меня.

В его взгляде больше нет доброты. Там бушует ненависть и смерть.

А на некогда чувственных, нежных губах искрится пугающий оскал.

Давид превратился в монстра.

И это Я сделала его таковым.

Я закрывала глаза и открывала с мыслью, что мне нужно срочно найти любимого. Встретиться в суде, в тюрьме или хрен ещё знает где! Но обязательно встретиться! Позвонить, хотя бы написать записку! Объяснившись, что я не хотела его предавать. Я сглупила. Запаниковала. Ляпнула, не подумав!

Я ведь очень сильно его люблю! И я не смогу без него жить. Я душу в пекло продам, я сердце собственное вырву и ему отдам! Лишь бы с любимым всё было хорошо! Лишь бы он поверил, что я не желаю ему зла.

Между нами выросла стена из непонимания. Всё и вправду случилось так, будто я действительно действовала по приказам мерзавца Виктора. Будто я выступала в роли приманки, или подсадной утки.

И от этих заключений хотелось биться головой об стену, вопить, орать до крови в горле, доказывать, что это грязная ЛОЖЬ!

Однако, в моем положении, ни в коем случае нельзя нервничать. Я буду себя беречь. Я хочу этого ребёнка! Хочу всем сердцем и душой! Я мечтала о малыше. О сыне. От Давида.

Когда любимый узнает, что он скоро станет папой... всё изменится. Стена ненависти падет, превратившись в пыль.

И мы снова будем вместе.

Я буду его ждать. Столько, сколько понадобится. Десять, двадцать, тридцать лет. Вечность...

В моем сердце нет больше места другому мужчине. Я отдала своё сердце одному и единственному. Моему Безжалостному. Моему сильному, непобедимому чемпиону. И я буду бороться за нашу любовь до последнего вздоха.

Вой сирен. Противный скрип дребезжащих колес. Грохот. Взмолванный плач матери. Мимолётный глоток прохлады... Чьи-то незнакомые, обеспокоенные голоса.

И снова затхлое пространство, в котором неприятно пахнет медикаментами, старостью, смертью.

– Дав-ид... – шептала, крутила головой то вправо, то влево, рыдала, утопая в океане липкого пота, бормотала что-то в бреду, постоянно звала любимого, когда меня, кажется, везли на каталке по тёмным коридорам незнакомого помещения, пока я не почувствовала болючий укол в руку и не улетела в бесчувственное забвение.

– Как моя доченька? – знакомый, женский возглас нарушил вынужденный сон.

– Состояние стабильное, угроза выкидыша миновала. Пациентка поправится, не переживайте. – Ответил приятный, мужской голос. – Девочка бредила. И всё время звала какого-то Давида.

Мать утробно зарычала. Её звериный рык мигом привёл

в чувство. Как будто мне в голову воткнули острый, пропитанный мышьяком штырь.

Разлепив один глаз, затем второй, попыталась оценить окружающую обстановку. Как оказалось, я находилась в просторном помещении, окрашенном в белые тона, с огромными, незанавешенными окнами. Рядом стояли ещё несколько пустых коек, прикрытые ширмой, а над головой покоилась капельница, которая была подключена к моей левой руке с помощью иглы и силиконовой трубочки.

В комнате было прохладно. В воздухе циркулировал запах медикаментов и спирта, который вызывал у меня страх с примесью отвращения.

Ненавижу больницы!

Здесь всегда моторошно и уныло.

Тут режут людей, обкалывают иглами, проводят страшные хирургические манипуляции, от которых кровь в жилах стынет.

А ещё здесь случается много смертей.

В глазах по-прежнему двоилось, как будто я находилась под водой. Но все же, мне удалось рассмотреть две фигуры, облачённые в белые халаты, которые стояли в коридоре, у приоткрытой двери в палату, и с серьёзными лицами что-то увлечённо обсуждали.

Как оказалось, обсуждали они меня.

Мать и, вероятно, мой лечащий врач – седовласый, тучный мужчина в очках, с фонендоскопом на шее.

Притворившись мёртвой, прислушалась к беседе.

– Доктор, а вы уверены, что она беременна? – мамин вопрос больно резанул по ушам, – Может все-таки это какая-то ошибка? А? – вцепилась в идеально отутюженный рукав халата врача, повиснув на мужчине, как голодная змея на куске добычи.

– Алла Аркадьевна, если бы девушка была девственницей, при обследовании, можно ещё было сказать, что да, случилась ошибка! Но анализы не ошибаются. Ваша дочь действительно в положении. И её состояние... оставляет желать лучшего. Пациентка крайне истощена. Жизнь будущего малыша находится в опасности. Однако, в настоящий момент, поводов для волнения нет. Угроза выкидыша миновала. Мы пропишем девушке витамины и...

Мужчина не успел договорить, мать нагло перебила:

– Михаил Иванович, скажите пожалуйста, а вы сможете прервать нежелательную беременность?

Я резко дернулась, сжав руки в кулаки до острого жжения в суставах. Как будто под ногти вогнали ржавую иглу, стоило только услышать это грязное слово «аборт».

И меня снова затошнило. Но я попыталась сдержаться, не подав виду, что пришла в сознание.

– Что? Вам не нужен этот ребёнок? – тот, кого она окрестила Михаилом Ивановичем, от удивления даже закашлялся.

– Нет. Нам он не нужен. – С ядом в голосе. – Его отец пре-

ступник и убийца, который скоро сядет в тюрьму до конца своих мерзких дней.

– Вот как... – Отчаянно. – Когда Соня очнётся, мы поговорим с ней по этому поводу. Если она согласиться – сделаем всё необходимое, чтобы облегчить ваше горе.

– Доктор, простите! – сквозь щели между ресницами я увидела, как мать, оглянувшись сначала по сторонам, затем, ещё раз на меня, наклонилась к Михаилу ближе, и что-то шепнула мужчине прямо на ухо, отчего тот опешил, как будто ему только что прыснули ртутью в лицо.

– Нет, извините, это не в моей компетенции.

– Она у меня просто это... того... слегка невменяемая. Будет сопротивляться, брыкаться, ругаться! Пырнуть даже может, если вы заведомо к ней со шприцами полезете! А всё потому, что связалась с психопатом, уголовником, сущей нечистью! Вы сами подумайте! Куда такой вот... эмм... невменяемой личности... ребёнок. Она ж его на помойку... в лучшем случае. Девочка глупая, молодая... Родит, а дитя на меня повесят. И это хорошо, если дитё здоровым родится. Отец-ублюдок, круглыми сутками сидел на игле. – Разрыдалась, уткнувшись носом в крепкое плечо терапевта.

Ложь!

Это грязная, подлая ложь!

Я держалась как могла, чтобы с дуру не вскочить на ноги, чтобы не устроить скандал на всю клинику на глазах у сотни больных.

Спокойно, девочка. Только спокойно.

Вдох-выдох.

Вдох-выдох.

Ради малыша, я не буду нервничать.

Он мой. И никто не посмеет к нему сунуться!

Никогда!

Только через мой труп!

– Ладно, дамочка, не утрируйте. Давайте только без истерик! – Также в ответ похлопал по плечу. – Всё устаканиться. В таком случае, с вами поработает психолог, чтобы определить, действительно ли у девушки имеются некие отклонения в психике. А там уже будет видно. В любом случае, я не имею права делать что-либо без согласия пациентки. Лишь в очень и очень тяжёлых случаях. Простите. И всего доброго.

Он собирался было уйти, но мать снова вцепилась в локоть врача, не позволяя ему это сделать.

– Постойте. Может вы пересмотрите ваше решение? Дело в деньгах? Я заплачу. Столько, сколько скажите. Но сделайте это как бы... невзначай – Последнее слово произнесла очень тихо, я не расслышала.

Кажется, словно это слово разозлило доктора, заставляя его повысить голос:

– Быть может это вам нужно пересмотреть ваше отношение к случившемуся?! В случае аборта высок риск бесплодия. Особенно нерожавшей девушке с резус отрицательной группой крови. Как у вашей дочери. И не важно кто отец ма-

лыша. Важно, что он ваш. Что он – частичка вас. И что он вырастет в истинной любви, в счастье и в заботе. Тогда на гены можно будет наплевать.

Вы ведь многим рискуете. Неужели возможность стать бабушкой, возможность взять на руки новорожденную крошку, ВАШУ крошку! Вас удручает? Подумайте об этом, пожалуйста. Многие женщины мечтают о ребёнке, но не у всех, к сожалению, в наше время, получается успешно забеременеть.

И он ушёл.

А меня смертельно контузило!

Что это, черт возьми, только что было??

Невольно опустила руки на живот и почувствовала, как по щекам градом покатались жгучие слёзы.

У меня будет малыш.

Мой ребёночек...

Мой и Давида.

Господи!

Боже!

Как же так получилось??

Что же делать?

Мама, грубо выругавшись себе под нос, хлопнув дверью, тоже испарилась в неизвестном направлении, оставив меня в абсолютном одиночестве, внутренне гнить и мучиться от услышанных слов.

Порой, мне даже казалось, что их шокирующая беседа –

часть кошмарного сна. Однако, сколько я себя не щипала, сколько, не хлестала по щекам – так и не смогла проснуться.

Буквально через час, мама снова вернулась в палату.

Я не успела вовремя притвориться спящей. Она поняла, что я пришла в себя.

Да и не могу же я вечно изображать мертвую?

От мамы разило табаком. Лицо бледное, иссохшее, измученное болью и страданиями, по цвету напоминающее увядающую листву. А в глазах стынет злость. Холодные, бездушные, они окатили меня холодом, стоило только встретиться с ними взглядом. Один на один.

Но как только она поняла, что я больше не сплю, её лицевые мышцы исказились печалью, брови выгнулись дугой, а по щекам покатались слёзы.

Кажется, эти рыдания были искренними.

Когда мама подошла к моей кровати, я тут же дернулась, сжавшись в комочек, ожидая очередного скандала, очередных колких гадостей в мою честь... а может даже и очередных ударов. Но, она не собиралась меня ругать, тем более, избивать на глазах у персонала. Она просто хотела поговорить.

– Сонечка, нам нужно поговорить... – Мягко, осторожно. Присела на край постели и бережно поймала мою руку, с торчащей из вены иглой. Задержав дыхание, не моргая, глядя глаза в глаза погладила холодными ладонями бледную, бесчувственную кожу. – Как ты себя чувствуешь? Нормально? –

сама спросила, сама ответила и, не дожидаясь ответа, продолжила. – Послушай меня внимательно. Только не истери, ладно? Выключи эмоции, включи разум. Ты уже большая, взрослая девочка... Дела наши крайне серьёзные.

Выждала паузу, полоснув по мне самым печальным взглядом на свете.

И продолжила:

– Ты...

– Я в положении. – Перебила. – Знаю. – Тяжёлый вздох, взгляд в потолок.

– Вот как... – вздрогнула, – Я не буду больше на тебя кричать, тем более... поднимать руку. Я немного успокоилась. И хочу попросить у тебя прощения за свою вспыльчивость. Накипело. Прости, милая. Просто очень испугалась, когда узнала, что те мрази взяли тебя в заложницы, да ещё и угрожали автоматами. Хорошо, что Виктор быстро поставил тварей на место. Поэтому я и разозлилась. Предупреждала ведь! Что игры с бандитами ни к чему хорошему не приведут. – Она снова начала пыхтеть и дымиться, как забытый на плите чайник. – Поэтому... будет лучше, если этот ребёнок... не родится.

На секунду мне показалось, что вселенная просто умерла, погрузившись в вечный мрак. В ушах зашумело, а горло сдавило ржавыми тисками.

– Хочу, чтобы ты избавилась от ребё... – кашлянула, – от плода.

– Мама! – схватила за сердце, ощутив жгучий, болезненный укол, в области груди.

Прошу, Господи, пусть её мерзкие слова окажутся иллюзией!

– Успокойся! Давай рассуждать логически! Этот Давид... он ведь наркоман! Да ещё и уголовник! А ты? Ты примерная, скромная девочка, мамочкина послушница! Он как смертельная чума, против тебя, моего хрупкого, маленького цветочка. Ребёнок родится больным, слабым, неуравновешенным! Сколько таких случаев по всему миру? Предостаточно. Твоя жизнь будет разбита. Особенно, если ты выносишь своё дитя, а оно, вдруг, не дай Боже, погибнет, из-за своих врождённых изъянов, когда ты к нему вдоволь привыкнешь!

– Он не наркоман! Не наркоман! Ясно!!! – подскочила с громкими воплями, пытаясь отстоять правду, да так, что в глазах потемнело, а голова пошла кругом. – Это ложь! Грязная, чёрствая ложь!

Она не вправе решать за меня!

Это моя жизнь! Мой выбор!

Я не её собственность.

Я совершеннолетняя и самостоятельная личность!

Раскричалась, разревелась, с головой забившись под одеяло, утопая в горьких слезах... Слезам обиды, отвержения, ненависти.

– Ладно, ладно! Успокойся! – мать запаниковала, заметалась по комнате, схватившись за голову.

Как раз в этот момент заглянула медсестра.

– Так, выйдете немедленно! Пациентке нужен отдых. – Отчеканила командным тоном, выставив ошарашенную родственницу в коридор.

А я, получив очередной укол в вену, улетела в холодную, беззаботную неизвестность.

Глава 2

Прошло несколько дней. Больше мы не возвращались к теме прерывания беременности.

Господи! Даже не хочу думать об этом паршивом слове!

Мне заметно полегчало. Тошнота практически не беспокоила. Хотя и слабый, но появился аппетит. Я пихала в себя еду через силу, потому что думала лишь о двух вещах – о малыше и о его отце.

Мне все время хотелось спать и рыдать. Но приходилось отвлекаться, чтобы в очередной раз не угодить под капельницу. А ещё я мечтала, чтобы меня выписали, чтобы как можно скорей отыскать любимого, вымолить встречу с ним. Хотя на минутку. Хотя на пару секунд! Хотя бы просто передать записку с объяснениями и с такой важной, такой волнительной новостью.

Узнав о ребёнке, я была уверена, Давид смягчится.

Однако, я до сих пор не знала, что с ним сейчас происходит! В какую именно тюрьму его запихнули! Был ли суд? И каково было его решение?

С мамой по этому поводу я напрочь боялась разговаривать. Она сказала лишь одно: «Больше с этим плешивым подонком ты никогда не увидишься!»

Одна надежда на Виктора, или на Карину.

У нас с Виктором был договор. Надеюсь, что он успешно вступил в силу.

Мать навещала меня несколько раз в день. Она даже отчеканила кое-какие наставления персоналу, чтобы те следили и докладывали матери о каждом моём шаге.

По её прошению ко мне подослали психолога. Это было низко!

Сложилось такое ощущение, что мама нарочно пыталась доказать, что я неуравновешенная, чтобы меня как можно скорей лишили родительских прав.

Вопреки лживым утверждениям, психолог озвучил абсолютно противоположный диагноз:

– Девушка психически здорова, однако сейчас пациентка находится в подавленном состоянии. Она очень хочет этого ребёнка. Вы, как мать, должны поддержать свою дочь.

– Но... но как же генетические аномалии? – даже рот от потрясения приоткрыла.

– По данным УЗИ, пока что всё в норме. Возможно, вы просто чересчур сильно утрируете трагичность данной ситуации. Не у каждого человека, который курит, пьёт, принимает наркотики рождаются нездоровые детки. Доказано и проверено на практике. Медицина не стоит на месте. В случае отклонений в утробном развитии наши врачи сделают все возможное, чтобы избежать трагедии.

С этими словами сеанс «психотерапии» завершился.

И снова мать проиграла.

А я внутренне ликовала и с особой нежностью гладила свой, пока ещё плоский животик под одеялом, радуясь небольшой, но победе, нашептывая в уме утешительные фразы, адресованные будущему ребёночку:

«Всё хорошо, малыш, всё хорошо! Ты в безопасности. Мамочка здесь, с тобой. Я никому не позволю причинить тебе вред. Обещаю!»

На следующий день меня выписали. Прописали некоторые лекарства, витамины, постельный режим до конца недели и отпустили.

На улице было жарко. Пели птицы, кругом цвела сирень, сияло ласковое солнышко, веял тёплый ветерок. А на душе... на душе уродствовала беспощадная, ледяная выюга.

Я завидовала тем людям, которые наслаждались жизнью. Беззаботные, улыбчивые... они шагали по улице крепко-крепко держась за руки, нежась на тёплом весеннем солнце, обласкивая друг друга чувственными поцелуями.

Глянув на одну парочку, прогуливающуюся по аллейке, рядом с больницей, меня скрутило от горя. Низ живота светло острой судорогой. Потому что я неосознанно представила себя на месте этих молодых и счастливых людей. На месте той светловолосой девушки в объятиях любимого мужчины. А мужчина... он напоминал мне Давида. Совсем недавно я тоже была такой. Весёлой, жизнерадостной и по уши влюб-

лённой идиоткой.

А сейчас...

Сейчас я одна.

Разбитая, отчаянная и... беременная.

Будущая мать-одиночка.

Стоп!

Нет!

Не одиночка! Я. Не. Мать. Одиночка!

Сейчас я вернусь домой, позвоню Виктору и потребую от маминого хахалю исполнения нашего паршивого договора!

Если честно, я думала, что Виктор заберёт нас из больницы. Это ведь он привёз меня сюда, когда я потеряла сознание. Там, в квартире. Точнее, не привёз, а вышиб дверь уборной и вызвал скорую помощь. С восхищением и тошнотворной гордостью заявила мне мама о героизме своего любовника.

Однако, к главному входу терапевтического отделения подъехало такси.

– А как же Виктор? – с удивлением спросила у мамы, устраиваясь на пассажирском сидении автомобиля.

– Ох, ему сейчас, увы, не до нас. С утра до вечера зависает в суде. – Нарочно сделала акцент на слове «суде» и у меня по спине пронёсся рой ледяных мурашек. – Это, между прочим, он принёс тебя на руках домой. Когда ты потеряла сознание после той варварской п-перестрелки. Не забудь сказать Вик-

тору спасибо. Он поступил как настоящий герой. Спас наш город, наказал злодеев, и, конечно же, освободил мою дочь из рук особо-опасных поганцев. – Хлопнув дверью, она резко бросилась на меня с цепкими объятиями. – Девочка моя, как же я рада, что ты цела и здорова! Ну почти... здорова. Ничего, милая, – поцеловала в висок, – Мы постараемся исправить эту проблему. Как можно скорей... Я помогу. Обещаю.

Машина плавно тронулась с места. Забившись в угол между сиденьем и дверью, я молча уставилась в окно, обеими руками обхватив свой живот, как бы защищая то единственное и ценное, что осталось у меня в этой безрадостной, отстойной жизни.

Всего за пару дней существования в статусе «будущей мамы» я стала замечать за собой две странности: первая – я начала разговаривать со своим, пока ещё крохотным животом, а вторая – мои руки постоянно находились в районе пупка, лаская и обнимая крохотное чудо, зародившееся внутри меня.

Во время отдыха, я поглаживала свой упругий животик, вынашивающий будущего малыша, пела ему песни, мечтала, чтобы ребёночек рос крепким, сильным и здоровым! Таким, как его красавец отец! Непобедимым, бесстрашным чемпионом!

Я не сомневалась, что внутри меня растёт и развивается настоящий мужчина.

Материнское сердце... оно такое.

Всё чувствует и всё знает.

Хорошо, что мать немного остыла. Три дня назад на неё было страшно смотреть. Она напоминала вышедшего из ума огнедышащего дракона.

В принципе, таков её характер. Покричит-покричит, поругает, даже ударит... но потом, слава богу, остывает.

Когда мы вернулись домой, накрыв на стол, мама позвала меня на обед.

Не успела я взять ложку в руки, как вдруг, она огрела меня холодным, будоражающим вопросом. Былая радушность, в некогда мягком голосе, превратилась в мираж.

– Соня, ну и что мы будем делать дальше?

– Как что? – пожала плечами, откусывая корочку свежего хлеба. – Рожать.

Ну вот опять!

Начинается!

Мы ведь уже, кажется, расставили все точки над «i», ещё в больнице.

А она всё никак не успокоится!

В воздухе завоняло скандалом.

– Да что ты заладила! Что ты уперлась как прокаженная?! Рожать, растить, воспитывать! Неужели не понимаешь, что ты жизнь свою гроишь? Тебе девятнадцать! Ты ещё так молода! Да ты ещё сама, по сути, ребёнок! А когда ро-

дишь – жизнь навсегда закончится! Все эти пеленки, какашки, ночные крики, бессонница, сопли, болезни, послеродовая депрессия, осознание брошенности, ничтожности и то, что ты – мать одиночка! – повышенным тоном, перечислила на пальцах грязные аргументы, – Большая ответственность! А деньги где возьмём на жизнь? Ты ведь работать не будешь! А моей зарплаты едва-едва на двоих хватает. Без отца растить будем? А?

– Не переживай по этому поводу. Как-нибудь выкарабкаемся. Бабушке позвоню, пусть приезжает. Она будет помогать нянчиться, а я работать пойду на полставки. Виктор, вон поможет. Он ведь мне обещал...

– Что обещал?

– Помочь. И с Давидом тоже.

– Не смей произносить имя этого дерьма вслух! – звонкий удар кулаком по столу. Приборы посыпались на пол, а за ними следом моя любимая кружка, разбившись на сотню острых крупниц. – Пусть он сдохнет там, как крыса! В своей крысиной клетке, тварь такая! Дочку мне опорочил, дитя ей заделал, а сам в тюрьгу сел, ирод проклятый! Тварь, мразь, скотина бездушная!

– Прекрати! Не говори так! – вскочила со стола, со всей дури пнула рядом стоящий стул, захлёбываясь, горем, болью, несправедливостью.

– Ты жизни не знаешь! А я... знаю. Хлебнула в своё время! Точно также, как и ты сейчас! Теперь вот жалею. Вот

только не хочу, чтобы ты повторила мои ошибки. Потому что очень сильно тебя люблю, доченька.

– Какие ошибки? Какие?? Аборт? Жалеешь, что не сделала аборт? И теперь я... – всхлипнув, – твоя ходячая проблема...

Психанула. Выбежала из комнаты, с дрожью в руках, с подступающей, чтоб её, тошнотой, глотая слёзы, дыша часто-часто, пытаюсь надышаться, отдышаться, успокоиться!

Нам хватило пяти минут общения, чтобы снова начать ругаться.

По телу прошёл ток, в венах зажурчала желчь.

Я решила, что нужно как можно скорей прекратить спорить. Абстрагироваться, забаррикадироваться в комнате. Если и дальше так будет продолжаться я... я просто сбегу из дома, и она меня больше никогда не увидит.

Но куда бежать?

У кого просить помощи?

Без понятия.

Одна. Без денег. Без работы. С разбитым духом, растоптанной душой и младенцем под сердцем.

Я обречена.

Не рыдать!

Только не рыдать!

Нужно успокоиться. Расслабиться... И немедленно взять себя в руки!

Ради дитя.

Влетела в комнату, распахнула окно, судорожно глотая ртом бодрящий, свежий воздух. Снаружи поднялся сильный ветер. Повеяло прохладой. На улице было шумно. Пьяная компания подростков устроила вечерние посиделки во дворе, а у соседей гремела ритмичная музыка... Но весь этот хаос не воспринимался полноценно моими ушами. Я слышала лишь бешеный грохот собственного ошалелого сердца. Скорей всего, не только сердце шалило, но и давление прилично подскочило, поскольку в висках неприятно запульсировало.

Глянула на небо, на звёзды... Из глаз хлынули слёзы.

Как он там?

Как же сильно хочется к нему...

Мне казалось, что на небе, я вижу его лицо.

Полное боли, грусти, страданий. Он смотрит на меня и тоже рыдает, медленно подыхая от того яда, который я приснула ему в душу. Исподтишка. Ударила в спину. Ножом. По самую рукоять. С пропитанным цианидом лезвием.

За последнюю неделю не было ни единой лишней минуты, чтобы я не думала о нем. Эмоции драли меня в клочья! Кромсая душу на миллиард рваных лохмотьев. Если бы не ребёнок – я бы давно уже превратилась в гнилое, бесполезное растение. Маленькая крупинка нас, мерцающая внутри меня, придавала мне сил идти до конца, бороться за справедливость, сражаться за нас любыми возможными и невозможными способами.

Благодаря беременности я до сих пор не слетела с катушек. У меня открылось второе дыхание, сработал материнский инстинкт. Почему я не бросилась разыскивать Давида на следующий день после ареста? Виной всему – самочувствие, а также угроза выкидыша.

Все эти дни я, сжав руки в кулаки, приказала себе не лить слез понапрасну, не рвать волосы от необратимой безысходности, а дать организму немного времени, чтобы восстановиться после шока.

Утерев слёзы, сделав несколько глубоких вдохов, измождённая до предела, я упала на кровать, закрыв глаза. Лежала несколько минут неподвижно, прислушиваясь к посторонним звукам со стороны улицы, как вдруг мою протрацию нарушил уверенный стук в дверь.

– Сонь. Поговорить нужно.

С извинениями, небось, пришла!

Правильно. Сначала нужно вытрахать всю душу, выпить кровушку, морально удовлетвориться, а затем уже и мозгами пошевелить, «мол зачем же я с ней так грубо, она ведь, как никак, мой отпрыск».

Нормально ведь по душам поговорить нам не свойственно.

– Я... не хотела говорить... Не хотела тебя расстраивать... Но всё же придётся.

Раздражающий дверной скрип, и впотьмах показался силуэт моей мамы.

Застыла в проходе, не решаясь войти. А я внутренне ждалась, понимая, что траханье на сегодня ещё не закончилось.

– Виктор звонил. Я не хотела тебе говорить, не хотела расстраивать... – продублировала ещё раз, будто я дурная, или глухая в придачу, – Но он сейчас ведёт дело... ты понимаешь какое... – жевала слова, переминалась с ноги на ногу, – В общем, в крови Давида и его так называемых братьев обнаружили наркотики. Братьев! Он назвал своих дружков-бандюганов братьями. Ты понимаешь, что это значит? У них секта. Наркоманов, головорезов, беззаконников!

– Ложь! Бред это все! Он не такой! Мой Давид и мухи бы не обидел без весомой причины! – вскочила с кровати и зашипела, срывая голос до хрипа, – Суд уже начался? Правда? А почему мне ничего не сказали! Я имею права находится там! Я его девушка! И он отец моего ребёнка!

– Это плохая идея, девочка. Твой псих невменяемый, увидит тебя и его пристрелят... за попытку совершить убийство в зале суда. Лучше не дразнить зверя, поверь. Вы всё равно больше никогда не встретитесь. Скорей всего, его отправят в колонию строгого режима, в другой город.

– Боже! Мам! Пожалуйста! Скажи, ГДЕ ОН? В каком СИЗО их держат??

– Не могу. Не скажу. Он возненавидит тебя ещё больше. Этот конченный психопат и наркоман! Он орал на весь зал, что убьёт тебя! Угрожал страшной расправой тебе и всей твоей семье... Мне очень страшно, доченька. За тебя, за нас,

за Виктора. Нажили себе врагов. — Рычала, как бойцовская собака за секунду до того, как вцепится в глотку противнику, а воздух в комнате пропитался тошнотворным запахом спирта.

Она выпила.

И, в последнее время, зачастила с выпивкой и табаком.

От этого зловония к горлу подскочила тошнота.

Больше я не стала ее слушать. С угрозами, мол, если не прекратит скандалить, то я сбегу — вытолкала в коридор.

Милостыни от мамы с её пустословом трахалем ждать, что снега в июле.

В тропиках.

Дождавшись утра, наконец, позвонила Карине.

До этого момента мой телефон, с посаженной батареей, валялся на полу под кроватью. Плюс ко всему, после капельниц, в больнице сил на общение со всем уже не было. Мне было настолько плохо, что хотелось погрузиться в вечный сон, или потерять память. А ещё лучше, навсегда стереть из жизни последнюю неделю моего безрадостного существования.

Глава 3

– Карина! Это я. – Без тени эмоций.

– Сонька! Ну наконец-то! – казалось бы, подруга только и ждала моего звонка, поскольку ответила со второго гудка. – С ума сошла?! Я тут на хрен вся поседела от нервов! Ты где? Почему не звонила?! Я два раза бегала к вам домой, но никто не открывал. И в окнах свет не горел. А соседи сказали, что тебя на скорой увезли. Жееесть! Ты смерти моей хочешь? Сучка!

Честно, я слушала её через слово. Сейчас была на вес золота каждая секунда.

– Где Давид? Где он! – требовательно, перебила.

– Млять! Я не знаю! Ясно! Сама до сих пор не могу отойти от этой херни! Как в блокбастере, ей богу. Соня, я видела, как убили человека! Прямо на моих глазах! Я на хрен в тот же день отвезла свою тачку на барахолку и впарила барыгам за полцены. Потому что Егора... Его буквально размазало по капоту МОЕЙ, бл*ть, машины! Мозги забились в каждую щель... Зае*бись! Думала кончусь от ужаса, пока доехала до авторынка.

Я мерила шагами комнату, держась за живот, пытаюсь утихомирить волнообразные спазмы, поднимающиеся от желудка по пищеводу. Хорошо, что я ещё не завтракала.

– Мне нужна твоя помощь. Прошу! – глаза защипало от подступающих слёз, – Узнай, пожалуйста, где держат Давида и что ему грозит за содеянное. А ещё лучше, какова цена свободы, если она есть. У тебя ведь тётка в суде работает?

– Я поняла. Попробую что-нибудь пронюхать. А ты чего?

– У меня пожизненный арест. И ещё кое-что... Из-за чего я не могу выйти на улицу и мне прописан постельный режим. При встрече уже расскажу. Сейчас некогда. Попробую дозвониться до Виктора. Всё время звоню, заваливаю его сообщениями, а он, падла, не отвечает.

– Хорошо, дорогая. Жди звонка.

И Карина отключилась.

Утро казалось для меня вечностью. А наш мир, наша планета, включая воздух, будто были сделаны из тягучей резины.

Не прошло и дня, как я получила сообщение. Думала, от подруги.

Но нет же!

Смс-ка пришла от продажной, ментовской твари.

Ублюдок написал мне одно, но объемное и весьма агрессивное сообщение:

«Ты думаешь, твоя мать позволила мне сделать это? Исполнить наш договор. Ошибаешься. Плевать я хотел на тебя и твоё быдло, которое теперь... получит сполна. Не звони и не пиши больше. Иначе, я превращаю вашу жизнь в колонию

строгoго режима. Намёк понятен?»

СУКА!

Выматерившись, со всей дури швырнула телефон на подушку.

Повезло, хоть не разбился.

Как же так?

Ну каааак?

Какая я глупая, доверчивая кретинка!

Закрыла рот ладонями, глядя на сообщение в тускнеющем экране, сдерживая сдавливающие, режущие горло вопли, осознавая, что весь мир перевернулся ко мне задницей, а каждый житель планеты, по ощущениям, подкрадывался ко мне со спины и со всей мочи лупил ножом в затылок, причиняя всё новую и новую, мучительную, сводящую с ума боль!

Я не понимала за что мне такие мучения?

За какие такие грехи?

Небеса решили низвергнуться на меня безжалостным ливнем из бед и падений?

Пока я, в очередной раз, пыталась бороться с истерикой, дабы не навредить малышу, телефон снова завибрировал, а на дисплее замигала фотография улыбающейся Карины в объятиях Макса.

М-да уж. Следовало бы поменять заставку. Они ведь... расстались.

А я чувствую себя полной сукой! И не имею права смот-

реть ни на кого из братьев. Пока, хотя бы, не объясню, что именно послужило мотивом предательства. Пока не расскажу, что меня обманом и шантажом вынудили совершить измену.

– Детка! – голос подруги звучал до дрожи взволнованно, – Это конец! Сегодня! Их забирают сегодня! А куда... неизвестно.

Она говорила быстро, невнятно, заикаясь на каждой букве. Тараторила так, что я не могла понять, о чём идёт речь.

– Стоп! Отдышись! Говори медленней! – сама уже сгрызла губы до основания.

– Беги! Прямо сейчас! Сегодня последнее заседание по их делу. Может успеешь. Тетка сказала, что шансов нет. Скорей всего, их прямо из зала суда увезут за решётку. Уже навсегда. Вероятно, транспортируют в другой город. – Ошарашила своим вердиктом, назвав адрес места следствия.

Я даже не помню, как оказалась на улице. Не обращая внимания на рассерженные оклики мамы, выскочила во двор, в домашних штанах и футболке, устремившись к остановке, где, по счастливой случайности, остановила проезжающее мимо такси.

Возле суда, как обычно, было много машин. Территорию серого, невзрачного здания, напоминающего вылитую психиатрическую лечебницу, охранял высокий металлический забор. В облупленных окнах, с потрескавшимися рамами,

горел свет, а сквозь приоткрытые форточки доносился строгий, монотонный голос, очевидно, принадлежащий судье.

От всей этой атмосферы и осознания того, что за этими бетонными стенами решается судьба дорого человека, сердце в груди пропускало удары, а глаза горели в слезах.

У входа в здание меня остановили два настырных охранника-грубияна, которые, несмотря на истерику, категорически были против моего присутствия.

На фоне бушующих гормонов, я возомнила себя бесстрашным ураганом, хотя, обычно, отличалась особой скромностью. А неуверенность – являлась основной чертой моего бесконфликтного характера.

Но обстоятельства, свалившиеся неожиданно, как метеорит на голову, заставляют людей меняться. Заставляют скромную овечку, рано или поздно, стать лютым волком. Естественно, чтобы выжить.

Обругав кретинов, хотела уже было пустить в ход кулаки, как вдруг, на образовавшийся шум явился тот, который за какой-то там день превратил мою жизнь в гиблое болото.

– Что за шум? – набатом в лицо.

Лениво махнул подчинённым, мол отпустите, когда те, уроды, сначала пытались выкрутить мне руки, а затем, бесцеремонно вышвырнуть за порог.

– Где он? Куда его повезут?

– Привет, Соня. – Хмыкнул, хватая за локоть, вытаскивая на свежий воздух, – К сожалению это конфиденциальная ин-

формация.

– Врёте!

– Шшш, тише, тише, буйная ты наша! – коснулся ладонью волос, но я дернулась, как будто меня прошибло током. – Тебе ведь нельзя нервничать. А то, не дай Боже... Случится чего. – На губах мудака блеснул животный оскал. – Забудь о нем, принцесса. Ему светит сороковник.

– Нет! Нееет! Вы обещали! Обещали, что сможете помочь! – голова закружилась, пол под ногами начал покрываться трещинами.

Я бы упала, к чертям переломав все ноги, если бы Виктор вовремя не подхватил бы меня за плечи, с ненавистью зашипев в лицо:

– Не могу. Не в моей власти. Народ пострадавших семей требует самого жёсткого наказания. Кое-кто даже настаивает на смертной казни.

С каждой секундной, с каждым выплюнутым словом следователя я слепла от нескончаемых слёз, киснув в его холодных, черствых руках. Руках кровавого, напрочь лишённого жалости палача.

Что-то подсказывало – надежды больше нет. Впереди меня поджидает долгая и бесконечная ночь, без капли просвета.

– Тогда п-просто скажите ему... что вы меня подставили! – Прошептала дрожащими губами, заикаясь, глядя в чёрные, переполненные триумфом зрачки бессердечного нелю-

дя.

– Не беспокойся об этом. – Погладил по предплечью, массируя моё тело лживыми утешениями. – Тебе вообще не нужно с ним видаться. Он тебя презирает, всё кричал и кричал, что собственными руками на куски разорвет... когда мои бойцы заламывали чокнутому выродку руки и ломали ребра... Сильный, удблюдина, не сдавался до последнего. Трёх ребят, лучших, между прочим, отправил на больничную койку. Пришлось успокаивать шокером. Вот тебе и любовь до потери пульса, Крош-ка! – Картаво передразнил. – Сукин сын тебя ненавидит. Ты не должна маячить перед его глазами. Иначе... эта тварь слетит с катушек и мне придется его усыпить.

– Вы свинья! Вы монстр! Вы не человек!!!

Рыдала и сопела прямо в лицо подлецу, мечтая выцарапать грязному подонку глазницы, вспоминая, как Давиду делали больно. Как его, в момент нашей последней встречи, жестоко избивали. Пятеро здоровых, вооруженных до зубов роботов в камуфляже.

В панике, я совсем перестала контролировать слова и эмоции. По причине того, что впала в глубокий аффект. Воспоминания о том страшном дне снова утащили воспалённое сознание в воронку ужаса. Как вдруг, сильные клешни следака вцепились в мой хвост на затылке, с треском в корнях рванули голову назад, возвращая обратно, в жестокую реальность.

– Поосторожней со словами, Сонечка. Сделаем вид, что эту дрянь ты адресовала не мне, а своему пизд*нutoму трахалю.

Падла!

Бесполезно.

Ничего не изменишь, ничего не исправишь!

Я просто ущербная, мелкая мошка, которую раздавили, втоптав в грязь, бросив умирать на немилость судьбы от полученных увечий.

Встряхнул меня. Жёстко так, пуская в ход свою грёбанную силу.

– Ты думаешь мы тут шутки с тобой играем? Ты глупый и тупой ребёнок, Соня! Очнись! Открой глаза, девочка! Давид конкретно выжил из ума. Его заковали по рукам и ногам, когда он попытался совершить покушение на судью. Прямо там, в зале суда! Орал, крыл всех присутствующих матом, бросался на решётку... Настоящий, укушенный бешенством псих! Это не человек, а животное. Особо опасное животное, которое следует приговорить к эвтаназии.

– Замолчите! Не верю вам! Не верю! Животное не он! А... вы.

– Хватит! И ты туда же! Так и знал, что это исчадие ада и тебя, видимо, тоже на иглу подсадили. – Грубо оттолкнул в сторону выхода, – Домой пошла! Быстро! Тема закрыта. Навсегда! Больше предупреждать не стану.

Отступила на шаг назад, понимая, что это всё! Конец! Я

проиграла!

Сил сражаться больше нет. Подонок выпил меня до дна, уничтожил весь мой пыл, унизил и размазал по асфальту. Он ведь сильнее. В его руках больше власти. В его руках вращается весь наш город. Люди станут за ним горой и будут верить, как святому божеству.

Внезапно, с противоположной стороны здания послышался вопиющий шум, разбавленный рокотом мотора и человеческой бранью.

– Всё закончено, девочка. Ты проиграла. Беги и плачь в подушечку.

Виктор злорадно расхохотался, а я бросилась вдоль забора, навстречу источнику громких звуков. Внутренне я догадывалась, что там, со стороны чёрного входа, начало твориться.

А когда добежала, упала на колени и громко закричала, схватившись руками за забор, поняла... Дело закрыто. Приговор вершится в реальность.

– Давид! Давииид!

Рыдала, била кулаками по забору, наблюдая за тем, как их, приговорённых, одного за другим, выводят из здания, а затем пинками отправляют в стоящий рядом, наглухо бронированный автозак, без окон, но с одной крохотной дверкой, с надписью «полиция».

Я не могла к ним подобраться. Я находилась снаружи, а они – внутри двора, заключённого в высокий металлический

забор. Я всё кричала и кричала, стучала по железу, пытаюсь хоть как-то привлечь внимание, но мои ущербные попытки были бесполезны!

Слишком шумно. Слишком людно.

Давид меня не заметит.

Я успела увидеть лишь чью-то объемную спину, обтянутую серой тюремной мешковиной, и, кажется, услышать звон цепей, сопровождающийся басистой руганью.

Хлопок двери, двойной стук по металлу, автомобиль тронулся с места.

И я тронулась. Умственно – уже давно, а с места – сию же секунду.

Побежала. Настолько быстро, насколько могла.

Следом за моим... навечно утраченным счастьем.

Бежала, кричала, отчаянно размахивала руками, глотая слезы боли... До тех пор, пока не выбилась из сил. Пока не закружилась голова, пока перед глазами не появился белый туман.

Автомобиль становился всё меньше и меньше. Пока не превратился в маленькую крошечку и не скрылся за поворотом.

Тогда я видела их в последний раз.

Эти кадры, удаляющейся машины, будто беспощадным клеймом выжгли дыру на моём, и без того разбитом сердце. Эти кадры впечатались в сознании на долгую вечность. И я буду вспоминать их, как важный, переломный момент, в мо-

ей, раздробленной горем жизни.

Давид ушёл.

Ушёл навсегда.

Оставив после себя лишь нестерпимую боль и неугасающие слёзы.

Я так и не успела с ним поговорить.

Как и не успела проститься.

Наши пути разрушились вдребезги.

Наши дороги превратились в пыль.

А сердца... разлетелись на миллиард острых осколков.

Глава 4

На несколько дней я окончательно выпала из реальности. Старалась не думать о той боли, что наживую, день за днём, ночь за ночью, резала мою, в край истощенную душу. Закрывалась в комнате, никого к себе не подпускала ближе, чем на пять метров. Кажется, будто я уже выплакала все свои слёзы на столетие вперёд. Стоило бы остановиться и подумать о ребёнке! Поскольку ему... большее, чем мне. Терпеть мои страдания, слышать мои истерики в подушку, получать ежедневную порцию стресса. Беременным ведь ни в коем случае нельзя нервничать!

В любой трагической ситуации нужно время. Чтобы смириться, или, чтобы попытаться забыть. Раны ведь не сразу затягиваются... Однако, лишь ради малыша, я взяла себя в руки, решив, что всё равно найду способ связаться с любимым. Он должен узнать, что скоро станет отцом. Как и должен осознать свою вину, покаяться, исправиться.

На третий день одиночества я проснулась с каким-то непонятным воодушевлением. Я решила собрать себя по кусочкам в стальной кулак и, несмотря на трудности, жить дальше. Ведь своими соплями я, в данный момент, убиваю в себе всё то, самое светлое, самое доброе, что осталось от нас двоих.

Нашего сына. Или нашу дочь.

Как бы не пыталась узнать у матери, куда увезли Давида – бесполезно. При одном лишь его имени она бросалась на меня как озверевшая шавка, готовая одним залпом обглодать до самых костей.

Я не понимала, почему до сих пор нахожусь рядом с ней. Скорей всего, из-за невозможности сбежать. Страх остаться без крыши над головой, денег, и, особенно, вляпаться в неприятности, связывал меня по рукам и ногам.

В чём-то они с Виктором были правы. Я ребёнок. Я всё ещё глупый и наивный ребёнок, который боится всего на свете. Который живёт в постоянном коконе, страшась выйти за его пределы.

Боялась я ведь больше не за себя. А за другого человечка, которого с такой трепетной любовью ношу под сердцем.

Страх сбежать, погибнув от голода, попав в руки к бандитам, например, или в рабство, ещё хуже, пресекали попытку побега.

Вскоре я узнала, куда транспортировали Давида, в какую помойку строгого режима! И пришла в дикий ужас! На север. Их с братьями отправили самолётом в далекий и холодный север. Виктор, тварюка, славно позаботился, о том, чтобы разделить нас навечно. Тысячами неприступных километров...

Протяженностью в тридцать лет свободы.

Получается, нашему малышу будет тридцать лет... а я вся покроюсь морщинами, когда Давид выйдет на свободу.

Если... если он не сойдёт с ума. Или... или не сгниёт от жестокости, болезней, надругательств со стороны неадекватных заключённых, или ещё более невменяемых надзирателей.

Это ведь тюрьма. Клетка. Кунсткамера!

Для многих грешников... это билет в один конец.

Но не для моего Безжалостного!

Я верила! Отчаянно верила, что он выживет! Справится! Прорвётся! А я его дождусь. И пусть мне будет пятьдесят, восемьдесят лет!

Я буду его ждать.

Я все равно не сдамся, не струшу, не отступлю!

Кое-как, с помощью Карины, я выбила адрес тюрьмы.

Каждый день, перед сном, я писала любимому письма.

Сотни и тысячи раз раскаиваясь, извиняясь на бумаге за совершенные ошибки. И моё раскаяние расплывалось чернилами на влажной от слёз бумаги. Надеюсь, когда он будет читать, ни капли не усомниться в искренности моих слов.

День ото дня... День ото дня писала, и молила о прощении.

Забегая вперёд, хочу сказать, что я неделями ждала ответа...

Но так и не дождалась.

Написав тысячу писем. Я не получила ни одного.

Однажды, я всё-таки наскребу на билет в бездну и попробую приехать к нему лично. Однако, даже когда я раздобыла телефон той колонии, меня грубо послали на хер, сообщив, что телефонные переговоры, в том числе и визиты, с заключённым номер 5531 строго запрещены.

Больно.

Как же мне больно.

У Давида больше нет имени.

Есть лишь дурацкий номер.

Как у клейменого, ожидающего забоя скота.

Через три дня, после того, как любимого вывезли из города, мать снова принялась действовать мне на нервы. А я, в свою очередь, принялась разрабатывать план о том, где бы мне раздобыть денег, нормальную работу и помощника по уходу за новорожденными детьми.

Я ведь ни черта об этом не знаю!

Да и друзей у меня, кроме Карины, нет.

Из Карины, нянечка, так себе, если честно.

Она вроде бы снова загуляла. На этот раз не с боксёрами, а с байкерами.

Скатившись окончательно.

Недавнишнее происшествие тоже здорово на неё повлияло, прилично подпортив нервишки. Ради Макса дурёха бро-

сила учебу. А сейчас... сейчас покрасила волосы в чёрный цвет, сделала себе пирсинг в носу, в губе, вырядилась в кожу и носила преимущественно чёрные вещи с черепами.

Стала больше курить, пить, браниться матом.

Да ещё и, не стесняясь признаться, стала спать за деньги с дальнобойщиками.

Вариант один – переехать к бабушке. На крайний случай.

Но мать найдёт меня и там. Она ведь как холера!

Не успокоится пока не добьётся своего! Пока полностью не отравит своей авторитарностью, девизом: «Я хочу так! Значит так и будет!»

Бабушка уже в возрасте, ей своих хлопот хватает. Живет в деревне, вдали от города. Для меня, будущей матери, такой себе вариант. Я не про атмосферу! Наоборот, чистый воздух, вдали от суеты, пошёл бы нам с маленьким на пользу. Я про больницы и прочие важные учреждения.

Это как длинный, наполненный грязью колодец. Очень и очень глубокий. В который я упала, карабкаюсь там, в этом смердячем дерьме, и никак не могу выкарабкаться.

Нет выхода.

Нет ни конца ни края.

Сплошное, гиблое невезение.

Через неделю-две я планировала становиться на учёт по беременности. Собирала разные документы, приводила в порядок нервную систему, старалась больше отдыхать, меньше

париться. По утрам меня ужасно тошнило. Иногда дело доходило до рвоты. Но я держалась. Без чьей-либо поддержки. Держалась, как могла. Ради моей маленькой крошки. Осознание материнства – сама по себе уже мощная поддержка, мощный стимул не раскисать и бороться! Вопреки окружающим меня напастям.

Однако, мать так и не смогла смириться с моим решением. Я ведь всегда и во всём беспрекословно подчинялась её мнению. В нашей небольшой семье она была суровым лидером. Малейшее несогласие приравнивалось как вызов к дуэли. Только вот ей полагался пистолет. А мне нет.

Каждый день она подсовывала мне разные буклеты с медицинскими клиниками. То в сумку, то в куртку... то просто оставляла на столе, или на кровати, в которых глеевой ручкой были жирно-жирно выделены фразы, типа: «прерывание беременности», «решение проблемы с нежелательной беременностью» и тому подобное.

Сказать, что я злилась – не то слово!

Прямо на её глазах рвала бумажки в клочья и выбрасывала в урну.

Она тоже злилась, но не подавала вида. Держалась до последнего, пока, однажды, не сдержалась.

Мать пришла с работы чуть позже обычного. Я уже начала подозревать, что отношения с Виктором потихоньку сходили на «нет». Она снова перестала следить за собой, как женщина. Минимум макияжа, каблуки только раз в неделю.

Стала больше курить, выпивать по пятницам с такими же «горе-подружками-разведёнками», а волосы мыла два раза в неделю.

Как жаль, что мама так и не поняла, что чёртов мент её просто использовал.

Не помню уже, когда видела их вместе с Виктором в последний раз.

В этот вечер, я сидела на кухне, погрузившись в интернет, в телефоне, пытаюсь отыскать хоть какую-то работу. Временную. С минимальными нагрузками. И начать потихоньку откладывать деньги на содержание малыша, на съёмное жильё, чтобы, на хрен, как можно скорее свалить из этого дурдома.

– Сонечка, время тикает... – Она будто помешалась. Сегодня мать решила добить меня окончательно. – Женька на работе подсказала одно недешёвое, но очень эффективное средство. Без хирургического вмешательства. Таблетка... – покрутила в руках очередную, говно-брошюрку. – Всего одна капсулка... – Голос дрожал. Подошла ко мне вплотную, положила буклет на стол. – Ты сходишь в туалет по большому, затем немного поболит живот, как при месячных, и нет больше дряни!

Что?

Дряни??

Это так она назвала... моего ребёнка.

НЕНАВИЖУ ЕЁ!

Она меня достала.

Нервы ни к чёрту!

Вскочила со стула и швырнула ей в лицо этот мерзкий огрызок.

– Ты больная! Ты в край обезумела! Ты чудовище!!! Я никогда не сделаю ЭТО. Я не убью своего ребёнка! Он будет моим! Ясно! Только моим! Раз он больше никому не нужен. – Ударила кулаками по столу. В глазах всё потемнело. Я начала задыхаться, дышала часто-часто, не могла надышаться, как будто в горло воткнули кляп.

Мать не оставила мои гадости без внимания.

Завелась с пол-оборота. Хотя до этого продержалась без ругани более пяти дней.

– И что ты скажешь людям? Что?? Когда отпрыск родится? Что ты шлюха? Шлюха зека? Приговорённого к тридцати годам строгача? Дитё то – безотцовщина! Позор! Скажешь, что отец ребёнка уголовник? А если и отросток пойдёт по стопам отца? Гены как змеи...

– Да пошли вы все! К черту! Пошла и ты, мама! Я уйду. Не ищи меня, не звони! Я для тебя... умерла.

Ответ вырвался сам по себе, как и решение.

У меня есть терпение. Но оно не железное.

Тем более, если я поняла, что мать конкретно спятила, конкретно помешалась на своём больном желании выдрать из меня то, что по праву принадлежит мне, то, что я хочу больше миллиона, триллиона разноразменных купюр, или да-

же больше возможности просто жить.

– Не дури, Соня! Ты одна не справишься! – шипела в спину, хватала за руки, но в этот раз, несмотря на стремительную потерю веса, я оказалась сильнее. Злость в венах кипела как смертельно-опасный яд!

Она с острой болью схватила меня за запястье, но я... я со всей силы толкнула её на кухонную скамью, окатив злобным, предупреждающим взглядом, мол: «Только тронь меня! И я за себя не ручаюсь».

– И куда ты пойдёшь? У тебя ничего нет! Денег, образования, работы! – расхохоталась, величественно так, победно. – На панель? Что ж! Тут мозгов особо не надо! Тем более опыта у нас до хрена!

Я старалась не обращать внимания на её грязные гадости.

Влетела в комнату, схватила рюкзак, запихнув первые попавшиеся вещи внутрь.

И также быстро вылетела в подъезд, не давая ей форы опомниться.

– Соняяя! Соня! Прекрати! Вернись! Я запрещаю! – гналась за мной по лестнице, но было уже поздно. Слова не птицы... Выпустишь – не поймает. Они как острые, ржавые иглы... уже вонзились в мою душу и плотно там засели. – Ты ещё встретишь своего мужчину. Который тебя не обманет. Который будет любить тебя искренне. И детки у вас будут. Рождённые в браке, в любви. Ты ведь молодая, красивая, умная!

Пауза.

– Постой!!! Я погорячилась... – последний, сдавленный стон.

И мертвая тишина.

Когда я, рыдая, задыхаясь от обиды, выскочила на улицу, не понимая вообще, куда мне бежать, у кого просить помощи, не успела я было сделать и пары шагов, небеса обрушились на меня бешеным ливнем.

Замечательно!

Заебись вообще!

Я промокла как бродячая кошка, всего за долю секунды. Хотя, теперь меня можно смело так назвать – бродяжка.

В уме вспыхнула лишь одна идея – поехать к Карине в общагу, а там уже будет видно.

– Соняяая! – как будто кулаком в спину. Не людским, страшным таким рыком.

Преследование продолжалось.

Испугавшись, я бросилась в темноту, к дорогое, заприметив блеклый свет фар.

Если повезёт – поймаю такси.

В такую погоду, на ночь глядя, разве что бухой кретин сунется из дому.

Тот человек, ехавший за рулем темно-синей иномарки, не сразу заметил пешехода, выскочившего на дорогу.

Махнув рукой, стоя на пешеходном переходе, я тут же

опешила, отскочив в бок, закрыв рот руками. Водитель сам испугался. В пелене из дождя и тумана он не сразу меня заметил. Резко дал по тормозам и машину занесло на мокром асфальте. С громким скрежетом, правое переднее колесо закрипело в паре сантиметров от моей ноги, а перед глазами, в этот чудовищный миг, пронеслась вся моя жизнь. Машину вертело юлой, словно здесь, вместо асфальта, горе-рабочие положили не смолу, а лёд.

Весь этот чёртов хаос мелькнул перед глазами, как фильм ужасов, в замедленной съемке.

Мощный грохот.

Звон стекла.

И машина врезалась в столб. От силы удара столб накренился вправо, а из капота покорёженной иномарки повалил дым.

Четче всего я слышала, как кричала мама. Просто потому, что я, во время ДТП, запаниковала, неосознанно упала на корточки, обхватив себя руками, особенно живот, и затихла, зажмуриив глаза, задержав дыхание. А она, вероятно, подумала... что меня сбили.

Оклемавшись от шока, ничего лучше не придумала, как перебежать дорогу и скрыться в кустах. Через пять минут тут будет полным-полно полицейских. А меня, возможно, заставят отвечать за урон, нанесённый владельцу недешёвенькой «Ауди».

Глава 5

– Ало... К-Карина... – трясусь от страха и холода, – Нужна т-твоя помощь.

Подруга ответила лишь с двадцатого гудка. Вялым, пьяным голосом.

А я, прячась в каких-то грязных кустах, в соседнем районе, в которые выбрасывают мусор, тряслась и заикалась так, что зуб на зуб не попадал.

Из меня текло, как из крана. Дождь всё лил и лил, усиливаясь с каждым часом.

– Сонька? Это ты?? – буркнула, видать, пьяная в стельку.

– Кто там? Очередной т-трахаль? Ик. – Какие-то помехи, матерщина, мужской, прокуренный бас. – Ты сёдня моя, шлюха, до самого р-рассвета! Я ж, нах*й, заплатил.

– Заткнись, долба*б. Подруга моя. – Связь постоянно обрывалась. Видимо, этот мат был адресован не мне. – Что т-такое?

– Прости, наверно не вовремя. – В трубке слышалась какая-то возня, пара шлепков, два грубых «бл*ть» от Карины, и быстрые, хлюпающие толчки. – Я из дома убежала. Наверно. – Продолжаю трястись, стучать зубами. – С матерью сильно поругалась. Мне некуда идти.

– ОХ ТЫ Ж БЛ*ЯЯЯ! – заорала в трубку, задышав ча-

сто-часто, а мужик на заднем плане рассмеялся, ответив на мат коротко, и неэтично: «Ещё отсосёшь, шлюха, за удовольствие».

Шлепки, пыхтящие вздохи в телефон лишь усилились.

– Карина! – взмолилась, понимая, что она меня совсем не слушает.

– Да! Да! Даааа! – заорала так громко, что мне пришлось убрать телефон на расстояние вытянутой руки. Но вскоре затихла. А мужской голос, всё ещё продолжал что-то бубнить, разумеется, что-то с матами, неприличное.

Через пару секунд, она всё-таки вспомнила, что я, уже минут пять как на связи, «наслаждаюсь» их весёлой еблей.

– Так что такое? Хош приехать? Ну давай. Раз такое дело. – Вздохнула. – Только у меня тут маленько кавардак. Ни-чё?

– Ничего. Мне только переночевать. – Заскулила, помирая от дьявольского холода.

– Окей. Жду. Бай.

Конец связи. Монотонные гудки.

Через полчаса я уже стояла возле двери Карины.

Постучала.

Ещё раз.

И ещё раз.

Долго никто не открывал. А потом, когда я уже собиралась обустроиться на коврике, в коем-то веке услышала заветный

щелчок замка.

Сначала было подумала, что ошиблась комнатой, но протерев глаза кулачками, таки узнала бывшую одноклассницу. Её волосы были чернее ночи и собраны в какую-то жуткую причёску в виде ирокеза. Лицо – заплывшее, с синяками под опухшими глазами, под которыми ещё и в придачу красовалась размазанная тушь. В носу и в губе поблескивал свежий пирсинг, а шея была увечена многочисленными гематомами, в виде засосов.

На тощее тело Карины был наброшен лёгкий, шёлковый халат, еле-еле прикрывающий пятую точку, с прожженными на ткани дырищами от сигарет.

Она пьяно улыбнулась, кивком приглашая внутрь и, шатающейся походкой, двинулась вглубь комнаты. Ноги девушки, покрытые синяками и ссадинами, заплетались на каждом шагу. В одной руке – бутылка с пивом, в другой – дымящийся бычок

Это была не ОНА. А, скорей всего, ОНО.

Какое-то жуткое существо, с планеты «Чужих», овладевшее моей, некогда доброй, миловидной подружкой с озорным блеском в глазах, яркими рыжими волосами.

У меня от шока даже челюсть отвисла. Ну прям «Звезда Улицы Красных Фонарей». Не иначе.

Только такая вся потасканная, пожмаканная.

Когда я вошла в комнату, то впала в ступор!

От её этого... «маленького кавардака». Но не успела я пе-

реступить порог комнаты, как тут же наступила на что-то скользкое и, кажется, липкое.

Меня затошнило вдвойне! Не только от запаха дешёвого курева, возможно даже наркотического, а и от того, что там, на грязном полу, не пометавшемся годами, я обнаружила использованный гандон.

Взгляд вперёд – на убогой старенькой кровати, с подгнившими пружинами, со скомканными простынями, которые, видимо, стирали в прошлом году, похрапывая, как поломанный трактор, кверху пузом, с жирным, целлюлитным задом, развалился огромный тучный мужик, с рыжими волосами и такой же рыжей, курчавой бородой.

Подруга подошла к сопящему жирдяю, пихнула ногой в бочину, зарывав так жутко, что волосы на загривке дыбом встали:

– Пшёл на хер! Время вышло. Мы договаривались на три часа.

Жиртрест что-то промычал, лениво потянулся, перекатившись на бок, заставляя меня быстро повернуться к ним спиной, чтобы не увидеть отвратительный морщинистый стояк.

– Может в долг, пупсик? – гоготнул бородатый, почесав свое волосатое брюхо, – Один отсосик! А? Забацаешь?

– Вали, я сказала! Или Крокодилу позвоню.

– Всё, всё, валю! Базар окончен. – Скрип пружин, шелест одежды и звук застёгивающейся ширинки. – А эт кто? Ви-

док со стороны жопки что надо! Подружка твоя? Она тоже шлюха?

Я покраснела, с силой сжав руки в кулаки.

– Вы в паре работаете? Почём у вас двойной анал?

– Ты чё, придурок, непонятливый? На х*й пошёл!

Я вовремя успела отскочить в сторону. Чисто интуитивно. Потому что в полуметре от меня пролетел тяжёлый, кожаный ботинок, а следом, кубарем, как колобок, покатился этот целлюлитный мудака.

Врезался в дверь и, матерясь, исчез в коридоре.

– Фух! За*бали вот такие вот уроды! Не обращай внимания, дорогая. – Выдохнув, Карина заперла дверь на замок, подобрала пачку купюр, которая выпала из штанов недоноска, быстро спрятала деньги под матрац. – Присаживайся. – Кивнула на трёхногую табуретку. Единственную, практически целую вещь, среди прочего поломанного хлама. – Чай, кофе? – Кивком указала на грязную гору немытой посуды, с остатками протухшей, позеленевшей еды, разбросанную на таком же трехногом столе.

– Нет, спасибо. – Аппетит напрочь пропал.

Пожав плечами, подруга плюхнулась на кровать, забросив ногу на ногу, собираясь закурить, как вдруг, за соседней стенкой заиграла громкая, бесноватая музыка, заставляя меня вздрогнуть, попятившись назад.

– Бл*ть! Совсем уже охуели?? – Карина вдруг подскочила на месте, будто её контузило, запрыгнула на кровать и при-

нялась гатить кулаками по стене. – Только вздремнуть собралась. Устала, как проклятая! Да ещё и башка с утра разрывается! Вырубайте! На хер! Своё! Говно! – Верещала, как резанная, продолжая избивать стену руками и ногами, тем самым, ещё больше заставляя меня нервничать.

Похоже, в общежитии комнаты были сделаны из картона, а те, кто строил здание, никогда не слышали о такой мелочи, вроде шумоизоляции.

В ответ на тумаки, слышались резкие маты. Не просто маты, а настоящие угрозы с кровавой расплатой.

Я уже всерьёз думала бежать из этой чёртовой клоаки как можно дальше, потому что хуже дня, после ареста любимого, я ещё не ведала.

Уж лучше переночую на вокзале. Там, по крайней мере, тихо, тепло и воздух почище. В таком опасном месте, типа общежития для малоимущих, точно не следует оставаться.

Я даже не заметила, как отступила к двери, инстинктивно обняв живот руками, чувствуя неприятную, тянущую боль.

Так!

Главное не нервничать.

Всё будет хорошо! Обещаю, малыш. Обещаю!

Но вскоре, громкость поубавили.

Карина всё-таки закурила, а я поморщилась, скривившись от гадкого дыма, быстро заполнившего комнату. Более того, я почувствовала, как к горлу подскочил сегодняшний ужин.

Только не это!

Бросилась к окну, распахнула настежь, пытаясь отвлечься, глубоко вдохнула свежий воздух.

– Ты чё? – Карина закашлялась.

– Я в положении, Карина.

– Ни хера! – Она быстро потушила, бычок, махнула какой-то тряпкой в воздухе, разгоняя дым, а затем быстро бросилась ко мне, обняв за талию. – А это точно? Ты писала на палочку?

– Писала! И на палочку, и в баночку! И кровь сдавала! – по щекам покатались слёзы. Уткнувшись в плечо подруги я разрыдалась, как последняя слабачка.

– Ну тише, тише! – погладила по спине, ты не первая и не последняя. Если тебе станет лучше, я тоже залетела.

– Что? – оторвалась от плеча, взглянув в её, прожжённые жизнью глаза.

– Да у нас, подруга, видать двойной залёт. – Засмеялась, якобы подбадривая глупыми шуточками.

– Не может быть! Какой у тебя срок? Так значит... Боже! Хорошо, что я не одна такая... Брошенная, никому ненужная. – Выдохнула. Не знаю почему, но от слов подруги заметно полегчало.

– Никакой. – Прыснула. – Я сделала аборт. И спираль поставила. Это ж надо было так лохануться! Век помнить буду. Идиотка!

– Ты дура! Зачем??? Что же ты наделала?

И радость сменилась острой, чудовищной болью, а глаза

снова ослепли от слёз.

– Я не смогу растить. Одна. У меня рядом никого нет. Что я скажу ребенку, когда он подрастёт? Что его папаша зек и убийца? Который послал мать к чертям, а сам сел за решётку? Работы у меня нет, богатеньких родственников тоже, мать швырнула в приют ещё тогда, когда мне едва исполнилось пять, а сама продала душу самогонке. Учёбу я, влюблённая кретинка, бросила, с замиранием сердца поверив ублюдку в наколках, что он будет меня обеспечивать до самой кончины. В общем, едва свожу концы с концами! Вот, дорогуша, полюбуйся, как я живу! – правый рукой окинула перевёрнутую вверх дном комнату, – А! Красота! Нравится? И ты хочешь, чтобы в этом гадюшнике, среди шприцов и голых членов, рос мой малышонок?

Я ничего не смогла ответить. Язык будто приклеится к нёбу. Внутренне, меня убивало, разрывало и одновременно кромсало, на тысячу рваных частей.

От боли. Горя. Безвыходного положения. От кошмарной ситуации, в которую нас обоих, затянуло лавиной безысходности.

Карина глянула на меня исподлобья, вытерла слезы своими шершавыми пальцами, с облупленными ногтями, выкрашенными в красный цвет, а затем грубо ударила меня в самое сердце. Своими бесчувственными, но такими логичными словами:

– Тебе тоже советую... сделать ЭТО.

– Нет! – всхлипнула, схватившись за живот, – Он живой, он все чувствует!

– Глупости. – Отмахнулась. – Это просто сгусток из крови и тканей. Ничего ещё не соображает. Ты многое помнишь, когда тебе было три недели в утробе?

– Ты не понимаешь...

– Это ты не понимаешь. В какое дерьмо себя толкаешь.

Мы могли спорить с ней до самого утра, или целую вечность! Но меня ей не переубедить! Однако, наш диалог прервался настойчивым стуком в дверь.

– КАРИНА! КАРИНА! – голос мамы.

Черт!

Только этого не хватало!

– Открывай! Живо! – а это... это уже был голос ублюдка Виктора.

– Твою ж мать! Соня! Помоги! – завопила, сидя прямо на глазах, схватившись за волосы. – У меня полкило кокса под кроватью! Мать вашууу! Заправь постель, быстрее, а я смою всё в унитаз!

Карина бросилась в ванную, вытащив из-под кровати какой-то белый мешочек с мукой, выпотрошила содержимое пакета в унитаз, быстро натянула на себя джинсы и толстовку, пока я, ногами пинала использованные презервативы под кровать, одновременно застилала постель с грязным, замызганным покрывалом, от которого несло протухшим яйцом.

– Это ты бля привела сюда этого недоделанного уё*бка? –

с ненавистью и страхом в расширенных зрачках.

– Прости. Я не хотела.

Ещё бы минута, и они бы вышибли дверь.

Пришлось открыть.

– Соня! – Мама бросилась ко мне на шею, но я отскочила от неё как будто получила сильный удар по лицу. – Ты в порядке? Доченька? Господи! Прости меня! Простииии! – и давай рыдать, сдавливая меня, брыкающуюся, сопротивляющуюся, в удушающих тисках, – Я думала... Думала та машина... Тебя сбила. – Схватила за сердце. – Ох...

Пока мать разбиралась со мной, Виктор тщательно сканировал взглядом комнату, будто догадывался, что здесь что-то неладно. Карина стояла в стороне, прижавшись к стене спиной, стучала зубами и подрагивала, как будто подхватила сильную лихорадку. А моя мама... у неё закружилась голова, да и лицо окрасилось в странный бледно-зелёный оттенок.

Виктор отвлёкся от изучения комнаты. Вовремя подоспел, подхватив мать на руки.

– Воды! Дайте ей воды!

Через несколько минут маме полегчало. Не знаю точно, была ли это постановка, или ей реально стало плохо, но на меня подействовало. Больше всего подействовали её, такие искренние, извинения.

– Ты вся промокла. Тебе ведь нельзя. Надо себя беречь. – Лепетала что-то сверхъестественное, пока мы с Виктором та-

щили её к машине. – Поехали домой, доченька. Ты ведь меня не бросишь? Не оставишь одну? Прошу! Умоляю. Не бросай. Я ведь так сильно тебя люблю. Я умру без тебя. Ты – моя жизнь. – Рыдала, крепко-крепко держала за руку.

И я разрыдалась.

Потому что поняла, что не смогу её вот так вот взять и бросить. Уйти насовсем. Навсегда. Бесследно. Она ведь себя погубит. Сопьется, обкуритса, с крыши сиганёт. Она ведь моя мать... Мать-одиночка. Сама меня растила. Воспитывала. Заботилась. Мы не выбираем себе родителей. Но они наше всё.

Это они... и только они дали нам жизнь.

С Кариной мы распрощались. И слава богу.

Скорей всего, это была наша последняя встреча. В её клоповнике нам с малышом находиться опасно.

Мы с ней разные. Она слабая. Даже слабее меня...

Сдалась и сломалась. Пустила себя под плинтус. Превратилась в ничто.

Более того, никого не желает слушать.

Что ж. Её воля.

Когда я уходила, подруга вдруг, как бы невзначай, спросила:

– Ну и как они там?

– Не знаю. – Грустно ответила. – Никаких вестей. Пишу каждый день, но первое письмо, наверно, дойдет только че-

рез полгода.

– Ясно. – Кивнула, сдерживая истинные эмоции.

Она любит Максима. До сих пор любит. По ней же видно. Особенно по глазам.

Это она меня обманывает, чтобы не казаться слабой перед другими. На самом деле, как и я, Карина каждую ночь рыдает в подушку. Курит, спивается, трахается направо и налево с плешивыми бандюками за деньги, каждый день принимая их в себя пачками.

А в телефоне, на заставке, до сих пор хранит его фотографию.

Я случайно увидела.

Это всё по вине разбитого сердца.

Таким образом, она просто пытается уйти от горя. Забыться. Прикрываясь травой, беспорядочным сексом и выпивкой.

Очень скоро она потеряет себя. Я это чувствую.

Но подруга меня не слушает.

Более того, когда я пытаюсь что-либо объяснить, доказать, наставить на путь истинный, мол: «Ты не одна в этой дерьмовой жизни такая! Меня тоже судьба некисло потрепала! Вместе мы справимся! Вместе мы найдём выход! Мы ведь подруги!»

Она начинает орать, грубить, бросаться с кулаками.

Эх, знал бы Макс, знал бы Давид, что они... натворили.

Глава 6

Виктор отвёз нас домой. Сначала, когда мы с мамой сели на заднее сидение, мы ехали молча. И хоть я была против присутствия ментовской мрази, в данном случае, сделала исключение. Я не разговаривала с ублюдком, даже не смотрела в его сторону, словно он умер, и его вообще больше не существовало в нашем мире. Так я ему и сказала, когда мы вышли из подъезда общежития. На что хмырь, хохотнув, весело мне подмигнул.

Уебок!

Надеюсь, тебя когда-нибудь пристрелят на одном из твоих грёбаных расследований.

Мне так не терпелось плюнуть ему в лоб, рассмеявшись: «И сколько тебе заплатили? За поимку пятерых преступников, хЕрой? Жирная ты морда!»

Думаю, достаточно заплатили. Раз он, уже спустя неделю после закрытия дела, купил себе машинку подороже, выше классом. И катал теперь свой зад, как истинный, зажавшийся мусор.

Про кретина даже сняли репортаж в новостях, показав кадры с места преступлений и... кадры из зала суда.

Я не смогла смотреть на это спокойно. Случайно увидела... Теперь больше в жизни не включу телевизор. Потому

что Давида снова избили. Дубинками и шокером. Когда он попытался напасть на судью. Или? Или нам просто в СМИ это так показали? А его... его спровоцировали на драку, для эффектного «представления».

Он был настолько взвинченным, настолько... таким... другим... что мне захотелось поменяться с ним местами и к, чертям собачьим, забрать всю его адскую боль.

Однако, всё, что я сейчас могу... это заботиться о нашем ребёнке, ждать от любимого писем, новостей и, конечно же, скорого возвращения.

– Дочечка, милая, почему ты убежала?

Дождь противно барабанил по стеклу «Мерседеса», я сидела молча, отвернувшись от матери, и смотрела в окно, думая, об одном. Об отце будущего ребёнка, наблюдая за тем, как капли ползут по стеклу, извиваясь, будто коварные змеи.

В самом деле?

Она что, не понимает?

Или просто не в себе?

– Я слышала твой разговор с врачом. – Глубоко выдохнула, посмотрев ей в глаза, полные слёз и печали, – Ты настаивала на аборте! И продолжаешь это делать, подсовывая свои сраные бумажки с адресами клиник! Как мерзко! Я ведь твоя дочь! Что с тобой? Почему ты так поступаешь? Он ведь и твой ребёнок тоже! – Я не хотела повышать голос. Но меня уже в край всё достало.

Надеюсь, она поймёт. В последний раз. Больше я не стану проявлять жалость на другие шансы.

– Шшш, родная... Ну прости. С дуру ляпнула. Запаниковала, распереживалась. Нервы ни к чёрту! Я ведь твоя мать, и я таким вот образом... грубым наверно... переживаю. Прости ещё раз. Действительно получилось как-то глупо и резко. Господи! Что же я творю... – закрыла лицо ладонями, истерически разрыдалась, – Сонечка, милая. Я передумала. Мы оставим малютку. Я буду тебе помогать, буду о вас заботиться. Сама же такая была, дурёха! Сама же нагуляла! Видимо, над нашей семьёй нависло родовое проклятье. – Рывком притянула к себе, прижала к груди, приласкала. – Люблю тебя очень, доченька. Всё наладиться, не переживай. – Притянула к себе, а у меня будто камень с души свалился.

Стало немного легче. На сердце потеплело.

Наконец-то мы поладили.

Выходит, мне нужно было сразу броситься под машину, чтобы она поняла, что мы не вечны, что если она меня потеряет – то потеряет навсегда. Нужно ценить то, что тебе дорого, по-настоящему. И принимать как есть. Со всеми достоинствами и недостатками.

Виктор не стал с нами долго церемониться. Просто сказал: «Пока», дал по газам и скрылся за первым поворотом, ведущим из двора. Он был холоден и циничен. А взгляд излучал сплошное хладнокровие. Скорей всего, это была наша

последняя встреча. Следак получил от матери, да и от меня, то, что так неистово жаждал. Использовал ради своих коварных целей и пошёл дальше. Своей дорогой. Наплевав на наши чувства.

И пусть валит! Иначе, однажды, я не сдержусь. Сама воткну ему нож в горло, если ещё раз увижу. Месть не знает покоя. Кипит и пенится в венах, не хуже раскалённой ртути. Мерзавец ответит за всё. Если не от меня огребёт, так от вселенной уж точно!

Самый страшный суд не там, где судили Давида.

А там, где мы окажемся после смерти.

Утешала я себя, как могла. Но в душе, по-прежнему, была тьма и пустота.

Очень надеюсь, что ублюдок получит сполна. Пусть он выиграл битву. Но не войну. Клянусь! Я буду молиться днями и ночами, чтобы Виктор ответил за свою ложь. И однажды... мои мечты воплотятся в кровавое возмездие.

Дождь слегка поутих. Шлёпая по лужам, взявшись за руки, мы забежали в подъезд. В машине я немного согрелась, но всё равно выглядела не краше заморского чучела. Однако, несмотря на бесконечную череду неудач, свалившуюся на меня как град в апреле, всё же появился маленький, но просвет. Мама... В каком-то веке она признала свою вину! С ума сойти! Аж не верится. Видимо, неплохо так испугалась за жизнь собственного ребёнка, раз её властное Эго, не без

бойни, но умирилось. Надеюсь, наша жизнь начнётся с нуля. Я безумно рада, что мать согласилась с моим мнением. Конечно, не обошлось без угроз, скандалов, побега из дома. Но иначе, она бы не поняла, на что я способна. И что у меня есть характер, и он, как оказалось, не такой уж и слабый. До этого момента я просто боялась. Проявить инициативу, доказав, что я не вещь, над которой можно потешаться сколько влезет. А человек! Личность, в первую очередь! Которая пойдёт на всё, чтобы стать свободной и независимой.

Домой мы вернулись в позднем часу. Несмотря на частую тошноту, а также, отсутствие аппетита, я безумно проголодалась. Мама сказала, что сама приготовит ужин и что меня нужно как можно скорей напоить горячим чаем, чтобы согреть. Иначе мои губы, по цвету, напоминали сплошную переспелую сливу.

Приняв тёплый душ, укутавшись в любимый махровый халат я поспешила на кухню, где, настолько трепетно суежилась моя мамочка, сервируя стол приборами на двоих.

Впервые за несколько лет мы стали настоящей семьёй. Впервые за этот нелегкий месяц я улыбнулась. Впервые за долгие годы я почувствовала ту самую желанную, необходимую мне, как ребёнку, материнскую любовь, которой так сильно не хватало с самого рождения.

Мать растила меня одна. С помощью бабушки, конечно. Но после года декрета она была вынуждена идти работать, поскольку бабушкиной пенсии хватало разве что на пелён-

ки. Тогда я не понимала, почему у других девочек в садике есть папы. А у меня нет. Однажды, я спросила её об этом, а она разозлилась, чуть не вмазав мне по губам. Безответные чувства... были задеты.

Никогда не поздно исправить ошибки. Или, хотя бы начать работать над ними.

Родителей не выбирают. Моя мама меня очень любит, но она пережила слишком много боли в своё время, поэтому теперь, любовь для неё – сплошная боль. Нужно это понимать. Нужно попробовать поговорить по душам. Мы ведь очень мало общались на тему отца. Для неё прошлое – крайне болезненная тема.

Поэтому она стала такой чёрствой, такой властной. Из-за глубокого жизненного разочарования. И я её прекрасно понимала. Хоть иногда и ненавидела. Но она моя мать! Она часть меня. А я – часть её. Нам нужно держаться вместе. У нас, в этой жизни, больше никого нет. Возможно, когда-нибудь, она поймёт, что Давид, для меня, как воздух для легких. Нужно больше с ней разговаривать, больше демонстрировать свою любовь.

Ещё не всё потеряно.

При желании, можно добиться всего!

Главное всегда верить. Идти только вперёд. Быть сильным, не бояться совершать ошибки. Ведь иногда, даже самое невозможное, становится, что ни на есть, возможным.

Мы разговаривали около сорока минут. Пили чай с печеньем, заедали сегодняшний трудный день шоколадными конфетами. В груди словно расшатался тяжёлый камень. Вот-вот и стена боли падёт. Тогда станет намного легче дышать. Ведь сейчас, я дышу лишь вполсилы. А каждый вдох причиняет много мук.

– Сонечка, я кое-что поняла. – Мама бережно взяла меня за руку, крепко сжала, зажмурив глаза, – Когда ты убежала, я думала... что потеряла тебя навсегда. И я так испугалась! Мне уже, если честно, стало всё равно на наши проблемы. Я буду помогать заботиться тебе о малыше. – Повторила не один раз, за сегодняшний вечер, – Как когда-то бабушка помогала мне.

– Правда? – с надрывом, со слезами.

– Конечно. Я ведь была такой же... глупой, влюблённой дурнушкой. Но я не сделала аборт. Несмотря ни на что. Поэтому, прости ещё раз. У меня сердце остановилось, когда ты чуть было не попала под машину. Что же ты делаешь со мной, глупенькая моя? – обняла, погладила по волосам. А я вдруг поймала себя на отчаянной мысли, что она никогда меня не жалела, не хвалила, тем более, никогда не гладила. Даже в детстве. Воспитывала как хладнокровного солдата.

Всё изменится. Я это чувствую!

А изменит нас... наш малыш.

– Давай то, что было в прошлом... там и останется. Договорились? – в знак примирения, мягко улыбнулась, ещё тес-

нее сжав хрупкую ладонь.

– Окей. – Я тоже улыбнулась, до сих пор пребывая в каком-то лёгком неверии, нежно погладив её бледную, подрагивающую руку.

Руку любимой и единственной мамы.

Самого родного, самого дорогого человека, оставшегося рядом в этот сложный, катастрофически напряжённый момент.

Усталость буквально выбивала пол из-под ног. Что-то мы засиделись... Ничего себе! Половина первого ночи.

Быстро переодевшись в пижаму, юркнула под одеяло, свернувшись калачиком. И, как обычно, исполнив привычный ритуал, погладила животик.

Казалось бы, что он слегка увеличился. Думаю, каждая счастливая девушка в положении ожидает этого чудесного момента. Вот и я каждый день, после пробуждения и перед сном, люблюсь на себя в зеркале, рассматривая живот, с надеждой, что он увеличился, хоть на пару сантиметров.

Ну куда там!

Нам примерно четыре недельки. А мне уже кажется, что любимые джинсы стали малы, а грудь опухла, будто после силиконовой пластики.

Улыбнувшись, уснула с единственными приятными мыслям, за последние несколько недель, что мама перестала устраивать скандалы, усмирилась, осознав, что жизнь корот-

ка и не вечна. Что в один миг можно лишиться всего, став никем, потерять любимого человека, наговорив ему тучу жутких гадостей.

Лежала с закрытыми глазами и думала, как мы, вместе с мамой, выбираем одежду и игрушки для ребёнка. Как она прощает Давида, а он, узнав о малыше, возвращается из тюрьмы, потому что адвокаты доказывают его непричастность к преступлениям.

Сказка, конечно. Но такая сладкая, такая красивая сказка... В которой хочется жить и радоваться. Снова и снова. Снова и снова...

С надеждой на то, что сладкие мечты, поменяются с угрожающей реальностью местами.

С этим приятными мыслями, я быстро уснула.

Ночь выдалась холодной и тревожной. Я ворочалась с одного бока, на другой.

По непонятной причине, меня бросало то в жар, то в холод. Дыхание сбивалось, в горле орудовала пустыня. Волосы прилипли к щекам, а одежда насквозь пропиталась потом. Кажется, будто меня лихорадило. Но открыть глаза, было невероятно трудно. Сон не отпускал.

В голову лезли неприятные мысли. Разум атаковали кошмары, состоящие из сотни разных картинок. И все они были до слёз отвратительными.

Я видела Давида. Как его без конца мучили за решёткой

люди в чёрных накидках, напоминающие одежду палачей: били, издевались, глумились... Самыми страшными, самыми изощренными способами, в зале средневековых пыток.

А он всё кричал и кричал. Жутким, нечеловеческим голосом. Кричал мое имя. Пока острые, металлические плети врезались в тело любимого, превращая, некогда красивые мускулы, в кровавую рванину.

Один сон за другим... Один за другим...

Новый ещё кошмарней предыдущего.

Последнее, что запомнила, как я стою напротив зеркала, любуясь своим большим, округлым животом. А затем вдруг... меня скручивает от резкой боли, так, что я сгибаюсь пополам, задыхаясь от острых спазмов.

В комнату врываются какие-то странные люди в белых халатах, чьи лица скрыты под медицинскими масками. Укладывают меня на кушетку, принимают роды.

Долгие часы мучений. Я ничего не чувствую, кроме смертельной усталости, кроме выкручивающей на износ боли! Врачи орут на меня: «Тужься! Тужься!» Но я даже не знаю, как это делать?!!

Пыхчу, сжимаю челюсти, а заодно и чью-то холодную, испачканную в крови руку и пытаюсь делать все, что они приказывают. Один из акушеров, тот, который стоит между моими широко разведёнными ногами, вероятно главврач, по холодному, едва прищуренному взгляду, кажется мне подозрительно знакомым.

Особенно цвет его глаз, его властный, приказной голос. Он смотрит на меня настолько злобно, что у меня тлеет всё внутри. Хочется, чтобы мужчина ушёл.

Как же дико хочется избавиться от его омерзительного внимания!

Ещё несколько минут мучений, которые кажутся проклятой вечностью, хотя в реале, это пара секунд, и я слышу первый крик моего ребёнка.

Выдох. Долгожданное облегчение и долгожданная радость!

Смотрю вперёд, улыбаюсь. И все муки, все переживания бесследно исчезают, когда я вижу маленького, но такого родного человечка, кричащего в руках того, неприятного мне доктора.

– Мальчик.

Холодно отвечает акушер, беглым взглядом сканируя то меня, то ребёнка, по очереди.

– Дайте его мне! Дайте! – Слёзы щиплют глаза. Тяну дрожащие, окровавленные руки к сыну, мечтая прижать, приласкать малыша к груди. Я ведь так долго этого ждала!

Как вдруг...

Доктор снимает с лица маску, и я внутренне срываюсь в пропасть, захлёбываясь в немом крике.

Виктор.

Он злорадно хохочет, прижимая орущего сына к себе, визуально лишая меня жизни, лишая возможности существо-

вать дальше.

Не проронив ни слова, как истинный победитель, направляется к тяжёлой, железной двери.

– Мерзавец! Тварь! Ненавижу!

Как только я собираюсь броситься вслед за ублюдком, чтобы вцепиться ногтям подонку в глотку, меня грубо впечатывают спиной в кушетку и сковывают ремнями. Ассистенты, сволочи.

А Виктор... Он, ехидно оскалившись, исчезает за чёрной дверью.

Навсегда отобрав у меня самое дорогое и самое сокровенное, за что я была готова бороться голыми руками не на жизнь, а на смерть. За что я готова была прыгнуть хоть, в лёд, хоть в пламя, хоть с моста. Сгорев живьём, утонув, захлебнувшись. Лишь бы мой мальчик был жив и здоров. Лишь бы мой мальчик был всегда счастлив.

То, что я только что испытала, я словно испытала живьём, в реальности.

Подскочила на кровати, вскрикнув в голос, и тут же сжалась в комочек, от резкой, скручивающей боли.

– Мама! Мамочкаааа! – закричала, задыхаясь, чувствуя, как меня внутренне рвёт, выжимает и жёстко выкручивает, будто в стальных тисках, отчего я не могу полноценно вдохнуть, отчего перед глазами всё растворяется в чёрных пятнах.

– Помоги! Мамочка! – Ещё один крик. С болью, с надры-
вом.

Пытаюсь встать на ноги, но мир шатается. Путаюсь в на-
волочке, всхлипываю, понимая, что происходит нечто ужас-
ное.

И сердце бьётся навывлет. И слабость валит с ног.

А там, на белом, скомканном одеяле, я вижу алые пятна.

У меня трясутся руки. Я больше не могу сказать и слова.

То ли от сумасшедшей боли, то ли от шока, то ли от тош-
нотворного запаха горя, парящего в тесной комнате.

Внезапная вспышка света.

Мама, услышав крики, врывается в комнату, щёлкая вы-
ключателем, и её лицо искажается страхом:

– Сонечка! Соняяя, что случилось??

Не знаю зачем она спрашивает. Сама же видит. Видит
кровь на пододеяльнике, видит как я, сгорбившись, сижу на
полу, обеими руками обхватив пульсирующий резью живот.

– Б-болит. – Едва слышно, невнятно. – Очень б-болит!

Она, бледная, с выпученными от страха глазами, хватает
с тумбочки телефон и пытается набрать номер скорой помо-
щи. Несколько раз смартфон падает на пол. Мать матерится.
Дрожащими руками пытается нажать на кнопки.

В конце концов у неё получается сделать звонок.

Скорая среагировала мгновенно, приехав через пять ми-
нут после вызова.

Но... даже их оперативность... не смогла предотвратить

неизбежное.

Они сделали мне несколько уколов. Просили, чтобы расслабилась, успокоилась. Утверждали, что все будет хорошо.

Я кивала. Наверно лишь из вежливости, пока меня, на носилках, в спешке грузили в машину с мигалками.

Мама сидела рядом. Держала мою руку. Она не рыдала, но была очень напугана. А я, несмотря на утешение фельдшеров, в них не верила.

Потому что точно знала... это конец.

Мне кажется, что раньше я всегда ощущала в своём организме биение ещё одного сердца.

Но не сейчас.

Потому что сейчас, там, внизу живота, я чувствовала лишь боль, холод и тихий, угасающий плач.

Глава 7

Спустя три дня

Прохладный ветер врывается в приоткрытую форточку, потоком воздуха заставляя старые, прогнившие рамы скрипеть, биться об оконные косяки. Неприятный звук действовал на нервы. Но, кажется, после того, как я потеряла свой единственный смысл жизни, от нервов остался лишь пепел.

Теперь я не жила. А просто существовала. Как растение. Которое днями напролёт смотрело в одну точку. Ничего не ела, ни о чем не думала. Быстро превращалась в живую мушкетёршу, в бледный, высушенный болотом труп.

Ту страшную ночь... я помнила обрывками. В спешке, меня доставили в отделение неотложной помощи, при гинекологии.

Я помню, как тряслась мать, как хваталась за сердце, глядя на мои окровавленные пижамные штаны, но я ничего не соображала. Провалилась в какую-то невесомость, будто находилась под водой. Голоса врачей звучали утробно, словно эхо, а медперсонал, в панике, суетился.

Дураку было бы ясно, что это всё. Конец. Ребёнка не спасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.